

– Росту они большого, но разума у них мало, – сказали они. – Скарпхедин точил секиру, Грим делал древко к копыю, Хельги прилаживал рукоять к мечу, а Хаскульд приделывал ручку к щиту.

– Они, верно, задумали что-то важное, – сказала Халльгерд.

– Этого мы не знаем, – ответили они.

– А что делали работники Ньяля? – спросила Халльгерд.

– Не знаем, что делали другие, а один возил навоз на холмы.

– Зачем это? – спросила Халльгерд.

– Он сказал, что там нужно удобрить землю лучше, чем в других местах, – сказали они.

– Не во всем разумен Ньяль, – сказала Халльгерд, – хоть он и все знает.

– Как это? – спросили они.

– Я сейчас скажу вам, – сказала Халльгерд. – Почему он не возит навоза себе на подбородок, чтобы быть как другие мужчины? Мы зовом его безбородым, а его сыновей – навознобородыми. Сложи об этом стихи, Сигмунд. Покажи нам, что ты скальд.

– Я готов, – сказал он и сложил три или четыре висы, и все эти висы были злые.

– Молодец, – сказала Халльгерд, – что ты слушаешься меня.

Тут вошел Гуннар. Он стоял перед домом и слышал все. Все вздрогнули, когда увидели, что он вошел, и смолкли, хотя до этого стоял громкий смех. Гуннар был в сильном гневе и сказал Сигмунду:

– Глупый ты человек, и не стоит давать тебе советы, раз ты поносишь сыновей Ньяля и, что еще хуже, его самого после всего того, что ты сделал им. Ты заплатишься за это жизнью. А если еще кто-нибудь повторит эти насмешки, то я выгоню его и буду в гневе на него.

Все так боялись его, что никто не посмел повторить этих насмешек. Затем он ушел.

Нищенки поговорили между собой и решили, что Бергтора наградит их, если они расскажут ей, что слышали. Затем они поехали туда и, не дожидаясь вопросов, рассказали Бергторе наедине все, что слышали.

Когда мужчины сидели за столом, Бергтора сказала:

– Вам есть подарки. Мало вам будет чести, если вы не оплатите за них.

– Что это за подарки? – спросил Скарпхедин.

– Вам, моим сыновьям, один подарок всем вместе: вас называли навознобородыми, а моего мужа – безбородым.

– Мы не женщины, – сказал Скарпхедин, – чтобы сердиться из-за мелочей.

– За вас зато рассердился Гуннар, – сказала она, – а его считают человеком мирным. Если вы снесете эту обиду, то вам уже никогда не отомстить за свой позор.

– Нашей старухе нравится подстрекать нас, – сказал Скарпхедин и ухмыльнулся, но на лбу у него выступил пот, а щеки покрылись красными пятнами. Это было необычно. Грим молчал, закусив губу. Хельги сидел как ни в чем не бывало. Хаскульд пошел с Бергторой, но она снова вернулась, вне себя от злости. Ньяль сказал:

– Тот, кто едет тихо, тоже добирается до цели, жена. Но ведь, как говорится, о мести всегда двойная молва: одним она кажется справедливой, другим – наоборот.

А вечером, когда Ньяль лежал в постели, он услышал, что кто-то снял со стены секиру так, что она громко зазвенела. Там была каморка, где обычно висели щиты. И вот Ньяль видит, что их нет на месте. Он спрашивает:

– Кто снял наши щиты?

– Твои сыновья вышли с ними, – отвечает Бергтора.

Ньяль тотчас же вышел во двор и зашел с другой стороны дома. Он видит, что его сыновья направляются вверх по холму. Он говорит:

– Куда это вы, Скарпхедин?

– Искать твоих овец.

Ньяль говорит:

– Вы бы не вооружались, если бы вы и впрямь собирались за овцами, – у вас, верно, иное дело.

– Мы едем ловить лососей, отец!

– Если это так, то желаю, чтобы лов был удачным.

Они уехали, а Ньяль пошел назад в дом и сказал Бергторе:

– Там твои сыновья со всем оружием. Это ты их, верно, подбила на что-нибудь.

– Я их поблагодарю от всего сердца, если они расскажут мне, что убит Сигмунд.